

ДЕСАКРАЛИЗАЦИЯ ВЛАСТИ

И.А. Исаев. ГОСПОДСТВО. ОЧЕРКИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ.
М.: Норма, 2008. 352 с.

В политической философии есть вопросы, не имеющие окончательных решений. Тем не менее мы не в силах отказаться от возвращения к ним вновь и вновь, поскольку они проистекают из нашей фундаментальной озабоченности своей участью как существ смертных, жаждущих бессмертия. Один из таких вопросов касается истоков и “подавляющей сущности” власти, проявляющейся в “покоящемся законе” и в упорядочивающем хаотичные действия индивидов государственном правлении, внушающей “абсолютный страх”, добивающейся повиновения даже тех, кто ее ненавидит и с затаенной злобой готовится к мятежу¹. Осмыслению наиболее интересных, до сих пор волнующих подходов к разрешению этого вопроса посвящена новая книга проф. И.А. Исаева “Господство. Очерки политической философии”. Как и в своих предшествующих исследованиях эзотерических основ политики и “скрытых аспектов власти”, автор работает на границах философии права, юридической науки и политологии, демонстрируя свою принадлежность к *знающим и понимающим*, предлагая, говоря языком Гегеля, “мыслящее рассмотрение” избранного предмета, что выгодно отличает рецензируемую работу от публикаций узких специалистов по этой же теме.

Прекрасно сознавая иррациональный, “мерцающий” характер природы власти, И.А. Исаев предпринимает комплексный и многоуровневый анализ таких феноменов, в которых она обнаруживает себя наиболее явственно: феноменов господства и подчинения. При этом названные полюса “властеотношения” берутся в контексте кажущейся прозрачности не до конца расколдованного жизненного мира – в связи с жуткой атмосферой нарастающей деперсонализации и анонимности, когда очень трудно установить, кто же собственно в современном обществе осуществляет действительное господство. Впрочем, в свете политической онтологии ясно, что всеми господствующими управляет *госпожа смерть – власть “абсолютной негации”*².

Книга состоит из шести глав. В *гл. 1 “Власть, господство, диктатура: проблемы легитимности”* автор, исходя из давно ставшего классическим веберовского определения господства как специфического социального феномена, находящего выражение, в частности, в авторитарной командной системе, пробивается к метафизической основе всякого господства (включая и “непрямое”) – командующей, приказывающей воле. Вопрос в том, почему подчиняющиеся подчиняются ее приказам, поддерживая сложившиеся формы господства, обеспечивая им общественно необходимую институционализацию? Современная политическая

философия предлагает искать ответ на этот вопрос отнюдь не в области межличностных отношений господина и раба в стиле гегелевской “Феноменологии духа”, хотя в последней и был описан важнейший для понимания “всеобщей господствующей воли всех” феномен *признания*³. Не менее важно категориально осмыслить *процесс легитимации насилия*, защищающего и вместе с тем ограничивающего свободу, формирующего тем самым правовое пространство социума.

В *гл. 2 “Легалистская диалектика “господин – раб” у Г.В.Ф. Гегеля”* автор останавливается на некоторых интерпретациях соответствующих мотивов гегелевской “Феноменологии духа”, обращается к экзистенциально-онтологическим концепциям А. Кожева и Х. Арендт, к импровизациям Т. Адорно, М. Фуко и Ж. Бодрийяра, в которых так или иначе прорабатывалась тема монопольного права государства (господствующего класса) на причинение смерти.

В *гл. 3 “Законодательствование” и господство в “большей политике” Ф. Ницше* тайна власти рассматривается в свете философского волюнтаризма. И.А. Исаев предлагает свое понимание ницшеанской “метафизики воли к власти” и хайдеггеровского проекта “преодоления метафизики”, обращает внимание на превосходящие психоаналитические “открытия” положения Ф. Ницше о праве как инструменте “воли к власти” и стремлении к господству как “внутреннем признаке слабости”, о грядущем всевластии “пошлого рода людей” и всеобщем опьянении нигилизмом.

В *гл. 4 “От демократии к диктатуре: точка зрения “правых” (А. де Токвиль, Ж. де Местр, Д. Кортес)”* рассмотрены основные изъяны демократической модели организации общества, теневые стороны западной демократии, располагающей скрытым от масс механизмом “промежуточных” властей и обрекающей народ на “политическую энтропию”. “Народ – ничто в революциях или по крайней мере – только их слепое орудие”, – цитирует автор Ж. де Местра (с. 168). Демократическое безумие неизбежно ведет к тирании, к той или иной форме диктатуры. Это было известно еще Платону и Аристотелю. “Чем более открытой и прозрачной является власть, тем меньший эффект она производит на подданных; чем менее значимые и более банальные задачи она ставит перед ними, тем меньшим уважением у них она пользуется, – утверждает И.А. Исаев. – Власть всегда должна оставаться тайной, быть загадочной и недостижимой (на земле она представляется наместницей трансцендентного), ее цели должны быть глобальными и не до конца постигаемыми; в истории тайная политика всегда кажется людям более могущественной и более притягательной, чем открытые обсуждения и дискуссии по поводу при-

¹ См.: Hegel G.W.F. *Phänomenologie des Geistes*. Berlin, 1975. S. 150, 357, 359.

² Ibid. S. 147.

³ Ibid. S. 143, 343.

нения публичных решений. Доверившись и подчинившись власти, люди ждут от нее уверенных и решительных, подчас даже жестоких действий, они готовы даже жертвовать своим благополучием для того, чтобы ощущать эту силу и всемогущество стоящей над ними власти, которая в конечном счете и обеспечивает их существование” (с. 201–202). Из всего этого следует, что навязываемая либералами десакрализация власти ведет общество к дезорганизации, а государство – к распаду, в чем мы смогли убедиться в период правления М.С. Горбачева, который можно назвать “правлением Глупости”. Как заметил Р. Кайуа, “болтуны не могут удержать власть” (с. 232).

В гл. 5 *“Человек и закон: трагические аспекты взаимоотношений”* автор обращается к известным случаям столкновения закона и экзистенции, художественно-философски осмысленным в трагедиях Софокла. “Взрывная воля” героя, преступающего закон и иницирующего установление нового социального порядка, сама же и обрушивается на себя возмездие. Такого рода диалектику преступления и наказания можно проследить в судьбах субъектов власти харизматического типа. И.А. Исаев показывает, что **насилие, формирующее и поддерживающее систему господства**, трансформируется в ритуальное жертвоприношение – “насилие без риска мести” (с. 246). Субъект власти, не решающийся на совершение жертвоприношения, практически сам отказывается от власти. Патологическая боязнь мести превращает его в потенциальную жертву “мстящей справедливости”, расчищающей место для нового властителя. Именно символика жертвенной смерти приближает нас к разгадке тайны происхождения власти.

В гл. 6 *“Символическая власть и господство символов”* автор использует разработки К.Г. Юнга, П. Рикера и П. Бурдьё в ходе анализа знаков господства, исследует символическую

природу политической репрезентации: например, превращения личности монарха в “живой закон”, а его символического “тела” – в источник, эманулирующий потоки власти (с. 304). Здесь же раскрывается специфика символического насилия, структурирующего социальное пространство и в сочетании с признанием и доверием обеспечивающего делегирование власти от группы к представителю. Интересны размышления И.А. Исаева о символизме **“запятнанности” как инструменте контроля и принуждения** со стороны группы по отношению к своему представителю. Здесь обнаруживается двусмысленность власти, которая никогда не становится объектом обладания, ведя свою смертельно опасную игру и с господствующими, и с подчиненными. При этом никакая легитимация власти не может лишить ее “элемента сакрального”, что проявляется даже в обезличенных формах действующего правосудия. Возможно, благодаря этому ферменту “иррационального” власть в современном обществе все еще сохраняет двойственный характер увлекающего соблазна и невыносимого бремени.

Книга И.А. Исаева освобождает от иллюзий вульгарного экономизма в толковании “большой политики” мировой элиты, нацеленной на **установление глобальной системы господства** (“нового тоталитаризма”, по определению К. Ясперса⁴) и предполагающей беспрецедентные во всемирной истории жертвоприношения.

А.В. Водолагин, доктор филос. наук, проф.

⁴См.: *Философия и психопатология: научное наследие Карла Ясперса*. М., 2006; Karl Jaspers – *Philosophie und Psychopathologie*. Heidelberg, 2008.